

Он вышел на сцену в толстом вязаном свитере, сером с коричневым. Такие носят дома чилийцы. Впрочем, такие свитеры вяжут своим мужьям и испанские женщины. Он вышел на сцену и сказал:

— Вы пришли... Спасибо... После всего, что произошло, я не думал, что кто-нибудь согласится выслушать меня...

Он спросил:

— Разрешите, я закурю?

И девушка, сидевшая рядом со мной, тихо ответила: «Сн, да, конечно».

Пусть простят меня артисты, я не столько смотрела на сцену, сколько в зал на зрителей. На горящие глаза юношей и девушек, на то, как следили за каждым словом покинутые люди. Как испугалась женщина, приведшая на спектакль двух своих мальчиков, когда стало ясно, что герои обречены, как переводил дыхание зал, когда казалось, что беда обойдет героев стороной...

В зале дома культуры маленького городка Мостолес, что лежит в двадцати километрах от Мадрида, шла пьеса Генриха Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе». Только автор здесь пазывался Энрике Боровик, а

У С Л Ы Ш А Т Л И М Е Н Я?

пьеса — «Услышат ли меня?»

Тот вечер, та премьера, где все было всерьез: и букеты цветов артистам в конце, и прием после спектакля, стали не только вехой в культурной жизни городка, где утром большинство населения едет по забитым транспортом дорогам на работу в Мадрид, а вечером возвращается обратно. Сам по себе факт постановки настоящей пьесы в доме культуры для маленького испанского городка очень значителен.

Долгие годы фашистского режима в Испании нанесли стране много бед. Их последствия видны и сегодня. В Мадриде, в городе поэтов и драматургов, нет постоянной драматической труппы. В свое время видные артисты и режиссеры эмигрировали из страны. Наверное, спектакль, сыгранный непрофессиональными артистами в Мостолесе, — это маленький камешек в будущем ярком мозаичном панно возрождающегося испанского театра. Но без этих камешков и самого панно не выйдет. Но, наверное, не случайно в городке, где в муниципалитете

тринадцать депутатов-социалистов и десять коммунистов (именно муниципалитету подчинен дом культуры), поставили антифашистскую пьесу.

Когда в доме культуры решили открыть театральную студию, в нее записались сорок человек. Через некоторое время почти половина отселась. Не каждый сможет после длинного рабочего дня и изнурительной дороги вечером приходить на репетиции.

— Некоторые, — говорит режиссер спектакля Анибаль Рейна, — не были согласны с выбором «политической пьесы». Некоторые считали, что жизнь и без того сурова, и поэтому назначение театра — веселить и развлекать публику.

Сам Анибаль Рейна, эмигрировавший из Чили после захвата власти фашистской хунтой, так не думает.

Итак, в театральной студии остались единомышленники. Деятнадцать человек, считающих, что театр должен не только заполнить пустые вечера, но и заставлять думать,

помогать сделать свой выбор в жизни. Главный герой, играющий журналиста Карлоса Вланко, — Антонио Фернандес, строитель. Он уезжал из дома в шесть утра, а возвращался в семь вечера. И через полчаса был на репетиции в театральной студии. Шесть месяцев, все шесть месяцев вечерами приходили в дом культуры продавецница и штукатур, истопник и гимназистка. Они боялись сцены, но они верили в то, что говорили. Они искренне любили и ненавидели тех людей, чьи жизни они играли.

Именно поэтому Анибаль Рейна, профессиональному режиссеру и актеру, было интересно работать с ними. И именно поэтому так переживал зал, взрываясь аплодисментами не столько тому, как сыграно, сколько тому, что сказано.

В конце вечера, как и положено, артисты вышли на сцену режиссера. И обнимали его, и говорили теплые слова. А он свой букет красных роз подарил Галине Боровик, жене автора, которую в начале спектакля апло-

дисментами встретил весь зал. На приеме после спектакля было шумно и весело, и молодые актеры искренне праздновали свой успех с товарищами. Анибаль Рейна стоял в углу с бокалом, и улыбка его показала мне печальную. Устал? Изнерничался? Вспоминает родину?

— Я думаю о том, что мы правильно отказались от упоминания места и времени событий, — сказал Анибаль Рейна. — Выбор своего места в политической борьбе — разве это только чилийская проблема?

И еще запомнилось, как Хуан Гальего Санс, который заведует в муниципалитете отделом культуры, сказал, что спектакль будут показывать не только в доме культуры, а и на заводах и фабриках. Пьесу советского драматурга, поставленную чилийским режиссером, будут смотреть испанские рабочие. Кто поверил бы в это шесть лет назад?

Е. БРУСКОВА,
спец. корр. «Советской культуры».

МАДРИД — МОСТОЛЕС.